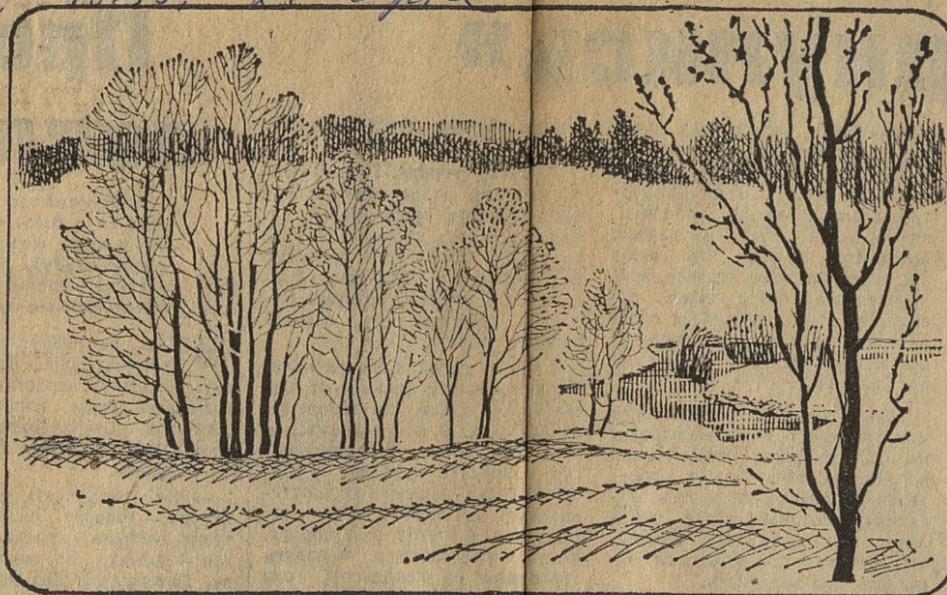

Мусоргский — 1989 — 21 марта

Памятник Мусоргскому в деревне Карево Псковской области; на родине композитора; дом-музей Мусоргского.

Рис. В. БАЗУНОВА и А. МИХАЙЛОВА.

Что там, за околлицей?

ВОЗЛЕ дома, на опрокинутом березовом стволе, не успевшем отплатить сладким вешним соком, сидит знакомый всем в округе бывший пастух Анатолий Николаевич Гусев. Сидит хмур не по погоде и, кажется, не горазд на разговор. Однако мы с ним немного разговорились. Нашли о чем. Сначала про Жизнь-озеро, про то, что рыбы, как и прежде, в озере хватают. Правда, препятствует с некоторыми пор ей станция на Западной Двине, в обход же не всякая рыба додумается — на это, может, тысяча лет нужна. Кое-где ядовитые ручейки с удобрённых взгорков травят воды — тоже зря. Все сказывается. Так что теперь, чтобы с уловом быть, время нужно. А со временем плохо, считают, что совсем нет. Оттого кукуют над лунками больше приплыше рыбаки, аж из Москвы, за четырёхста верст понаехавшие. А свои, затюканные в совхозе, положе, соберутся, когда уже лёд сойдёт. Впрочем, послуей, возьмут свое все равно. Жизнь у озера без рыбы и стыд, и грех.

Кстати, большого улова Гусевым не надо, едоков-то в доме раз-два и обчелся. Вот сын с войны афганской вернулся, с красной орденой звездой. Тут бы радоваться, да не долго пришлось. Сынок чуток поженухался — и в загс. Помедовав, молодые съехали в Кунью, в райцентр. И опять остались в Карево отец да мать. Дом у них крепкий. Разве что крышу подновить, а то дранка да толь не по моде, всюду шифером кроют. Скотина в тепле, корма сами запасали. Ухаживают, как за детками, благо, хозяйка почти тридцать лет в доярках отходила — все премудрости известны. Решили даже еще одной коровкой разжиться, в аренду у совхоза взять. Расчет с выгодой: три года молоко сдавать, а после коровка — твоя.

— Так можно и стадо собрать и опять пастухом заделаться, только без начальства и конторы, своего ума хватит. Но все же удивил меня Гусев. Сидит — не сдвинется, не оглянется назад. А за спиной-то праздник вселенский шумит, толпу народа собрал, люди на гору идут — нет конца. Глянь же, Анатолий Николаевич. Ан нет, упрямится, будто нет ему никакой заботы до происходящего. Даже обиды взяла...

Высокий безлесный совсем холм как бы оперся на берег у самой деревни и встал в рост над полем лысой горой. С той горы такая даль надозерная видна, что кажется, будто семь горизонтов один за другим открываются взору. Туда-то и глядит Гусев, в даль ту синюю. Знал я, что не обычный это человек сидит на бревнышке под солнцем, а последний мужик-крестьянин из Карева. Из того самого сельца, достопамятного тем уже, что именно тут родился потрясающей величины и души русский композитор. Один из балакиревской «Могучей кучки». Один из старейших иска-

телей своей, но близкой и понятной народу музыки. Долго жила деревня и только в последние бесперспективные для тысяч таких вот деревень пятилетки захирела и вымерла. Один Гусев с хозяйкой своей Ниной Константиновной и остался. Всего шаг шагнуть от их дома до взгорка, где торчит из-под земли булыжная кладка бывшей барской усадьбы. Кажется, вот сейчас застучат топоры, и поднимутся старые стены, и вырастет дом под стать прежнему. Но тихо по-над берегом. А булыжный переплет фундамента, точно древняя стойка человека, будто не сто пятьдесят лет прошло со дня рождения великого человека, а огромное тысячелетие...

Возле кладки старый обелиск. На нем выбито шесть нот из сиротского плача Мусоргского «Барин мой миленький...» А на горе, куда идут толпой люди, громоздится уже, будто вставший на Царь-колокол, видный отовсюду бронзовый человек-гений. В распахнутых одеждах, с непокрытой головой смотрит он в сторону своего Карева, на озеро, на вросшие в землю старые, черные избы. Нынче в ноябре, в самую вьюгу стали тут копать строители яму под фундамент да бетон бросать. Два бригадира — Москалев и Ковалев — орудовали. И вот уже готов памятник. А Гусев мне про это событие, не глядя, так сказал:

— Лучше б дом. Человеку дом лучше, а не украшение... Кажется, я это уже слышал. Хозяйка музея Мусоргского в Наумове Татьяна Семеновна Ермакова говорила:

— От Наумова до Карева двадцать минут ходьбы. Там Мусоргский родился, там заговорил, там коснулся впервые клавишей рояля и долго не засыпал после нянинных сказок. Там, все там, а не в Наумове. Двадцать минут ходьбы, а никак не пройти...

СКОРО уже будет двадцать лет, как открыли в Наумове музей Мусоргского. А была здесь усадьба его матери Юлии Ивановны. И всякий старинный флигелек, мезонин или ствол древнего дерева уже тем свят, что жила здесь обожаемая сыном матушка. И хоть бывал тут Мусинька, играл-веселился с наумовскими одногодками, но знаки тут всюду маменькины. Вот дуб, у которого она гуляла с будущим своим супругом, каревским помещиком Петром Алексеевичем. Вот мостики и пруды, где смотрелась она в чистую воду и кормила рыбок. Вот сам дом. А недалеко и погост с могильным склепом, где она похоронена. В том же склепе, как говорят, погребена и сестрица композитора, в которую он был страстно влюблен. Только тайну эту скрывает могила — письма влюбленного положены в гроб возлюбленной.

Три тысячи экспонатов собрано в доме и лишь два кресла здесь из бывшей каревской усадьбы. Обнаружены они были хранителем и радетелем Пушкиногорья Гейченко. Одно кресло он пода-

**150 лет тому назад
в сельце Карево
на Псковщине, у самого
Жизца или Жизнь-озера,
родился Модест Петрович
Мусоргский**

рил (как возможно!) басу Большого театра — Нестеренко, а Нестеренко, страстный паломник в здешние места, — музею. Другое, неизвестно почему, затерялось в Ленинграде, и только после долгих поисков хозяйка музея выкупила задорого его и привезла в Наумово. У Мусоргского не было семьи, не было детей-наследников. Дом его каревский был продан и вывезен, кажется, еще при жизни композитора. Поэтому одни ноты да письма, либретто да клавиры, одна музыка — все его наследство.

Каждый год, в начале апреля, на высоком дереве за прудом оживает гнездо аистов, безголовых от природы птиц. Прошлогодней бурей побило разом четырех аистят, разорило гнездо, осталось на месте лишь тележное колесо. Но аисты не улетели, не переменили квартиры, а тут же принялись складывать свой дом. Прилетят ли аисты нынче? Вот что беспокоит хозяйку музея, будто безголовые птицы тоже входят в число трех тысяч экспонатов. Может быть, и так.

А дом в Карево? А могила матери и кузины? А церковка на погосте, где был записан Мусинька? Спорят искусствоведы, архитекторы, чиновники. Сама же Татьяна Семеновна обязана слушаться — чай не Гейченко!

Вот только думает она о том дне, когда поднимутся на берег Жизнь-озера и церковка-памятник с пятью колоколами, и дом, за порогом которого ждала юного Мусиньку судьба «несчастливого счастливца».

— Вот тогда я буду считать, что дошла наконец до сельца Карево, сделала, что смогла, чтобы был у Мусоргского возвращенный ему дом. Тогда и оглянуться можно будет. И задуматься над тем, что там, за околлицей?..

Говорят про Жизнь-озеро, что от него «заразился» Мусоргский своею «Хованщиной» — оперой, в которой рассказал и спел он про стрелецкие бунты времен Петра Первого. Мол, был случай, когда ватага стрелцов, задумав поднять за собой народ из ближнего Торопца, снарядила туда своего посланника. И лежал ему путь через Жизнь-озеро. Но то ли бурным было оно, то ли лодка раскололась, то ли еще что, только не добрался посланник до Торопца и не добился помощи для стрелцов. Будто само Жизнь-озеро рассудило, как лучше для будущего и чья прав-

да нужней: стрельцова или петрова.

ВСЮ жизнь Мусоргский заслушивался народной песней. Почитаешь его письма, кажется, что только этим и жил. «Вчера, сидя под кущами на балконе, я был утешен шутилой песенкой проходившего праздничного люда. Песенка игралась под гармонику: запомнил песенку, но остановить гулявших и попросить содержание песенки церемонился...» Или еще — про Ивана Федоровича Горбунова, самородка, которому Мусоргский обязан многими песенными подарками: «От Горбунова имею капитальных две старинных русских песни: обедал и побольше... Обычаем таким собираю отовсюду мед, чтобы соты вышли вкуснее и подобнее...» В речи людской, народной, медовой он услышал музыку и нашел ее закон, и оттого в его операх говорят и поют, как никто не пел.

И нынче на берегу Жизнь-озера поют. Как прежде пели по всей Руси, где издревле имели «веселие петь». Многие уже годы мартовские памятные дни самые здесь музыкальные. Прежде-то пели в церковке да на праздничных гулянках по деревням. Такое пение и слушал юный Мусинька. А нынче народной песне один приют — под крышей дома, на сцене даже, словно песня стала, как картинка с выставкой, — лишь по торжественным дням и особым часам. Конечно, ответ за это держат учителя пения и музыки. От них зависит, зазвучит ли песня, не позабудется ли, не утонет ли на перевозах истории. Увы, не та еще у нас фигура учителя пения и музыки, как надо бы, чтобы запела школа. А ведь известно: запоет школа — запоет и весь народ.

Есть в Великих Луках дом, а в том доме большой зал. В этом зале в редкий день не поют. Зал обычный, никакой в нем лепнины, бархатов да люстр, а вот удался. Как-то Святослав Рихтер сюда приехал, и он прослышал, оказывался, об этом зале и целую неделю ходил туда играть — так хорошо там звук живет. В самом-то деле, кажется, не в архитектуре секрет, а в том, что с первого дня поселилась тут детская музыкальная школа. И так хотелось, видно, ее ученикам после подвальчиков, уголков и тесных закутков понастоящему поработать, что и сам дом стал с той поры подпевать им.

Почти 800 учеников в этой школе музыкальной, с сорокалетней уже биографией. На город в 120 тысяч жителей это, конечно, немного. Но было еще меньше, ведь рассчитывали школу на 450 учеников! Пианино в городе нарасхват, только появись в магазине. А если вдруг объявление о концерте, то, как в лучших театрах, зал полон. То, что по силам юным музыкантам из произведений Мусоргского, который детской

музыки не сочинял, здесь сыграет или споет каждый.

Из классных комнат до позднего вечера музыка, музыка... Мамы, папы и бабушки ждут в вестибюле... Но не все. Есть такие, которые тоже носят нотами. Это — хор. Целая хоровая капелла, семьдесят учеников от 22 до 69 лет. Известны в Риге, Таллинне, Витебске, и даже в Ленинграде. В одном хоре мужья с женами: Винокуровы, Максаковы, Ореховы, Озимовы... Мать и дочь Ивановы. Мать и сын Обовские. Если вдруг кто уходит из хора, объявлений о конкурсе не дают — всегда есть желающие. Хор в городе не один. Есть камерный хор, есть молодежный хор Дома учителя, медицинских работников, заводские хоры... Каждый седьмой артист народной капеллы — рабочий. Собираются даже взять за целый спектакль. Об этом уже речь.

Что лучше можно сделать для композитора, чем играть и петь его сочинения? Говорят, что уже нынешним летом концерты будут прямо у подножия памятника Мусоргскому на большой горе, где он установлен, на виду у всего Карева. Может быть, тогда обернется Анатолий Николаевич Гусев, последний житель достопамятного сельца? На песню-то кто не обернется...

Каждого хотел спросить, чем каждый был тут полезен? Деда Сергея, который уже лет сорок фотографирует, не пропуская ни одного события в округе. Николай Николаевич Новикова, скрупулезно собирающего по архивам всякую бумажку, если она хоть строчкой касается жизни великого земляка. Иеромонаха Филаргия, обещавшего, что в день рождения Мусоргского не забудет его в своих молитвах, и ударит в колокола великолукский звонарь. Девчонок, что учатся в техникуме, в двух шагах от Наумовской усадьбы, и только пока мечтают об уроках музыки. Каждого встречного на здешних тропках хотел попытаться, что он сделал для того, чтобы не заблыла эта земля, чтобы не зарос булыжный фундамент, чтобы встал тут памятник и жила память... А больше всего хотел спросить про это Гусева, последнего из каревских мужиков. Только потом, к отъезду уже, вдруг само собой разрешилось это желание без всякого спроса. Ясно стало: Гусев сделал, пожалуй, больше даже, чем все, кого я встречал тут и с кем подолгу беседовал. Нет, он не запомнил песен, которые поются в «Хованщине» или в «Борисе Годунове». Ему не сыграть музыки Мусоргского и не прочесть тех шести ноток про «барина миленького». Он не искал документов для музея, даже не помогал реставраторам — был на ферме. Анатолий Николаевич просто не ушел из Карева и никуда отсюда не собирается. Вот за что ему низкий поклон...

М. БЕЛОУСОВ.
[Соб. корр. «Труда»].
КАРЕВО — НАУМОВО —
ВЕЛИКИЕ ЛУКИ.